

✓ Точка опоры

«Воскресный Ленинград», 1962, 21 марта

Пьеса С. Алешина «Точка опоры» не привлекла внимания театров нашего города. Это и понятно — она традиционна по характерам героев и сюжетным ходам, недостаточно остра в освещении затронутых вопросов современности.

Осуществить постановку решила Ленинградская студия телевидения. Недавно спектакль увидели зрители. Выбор пьесы не следует считать опрометчивым. Режиссер Б. Каминский почувствовал в психологической драме Алешина благодарный материал для малого экрана.

Автор не приукрашивает жизнь, не приподымает героев. Они вполне обыкновенны в своих помыслах, чувствах, поступках. Алешин ставит их перед серьезными жизненными испытаниями и не облегчает им выбор жизненных путей.

Центральная коллизия — моральные колебания молодого рабочего Андрея Шипова. Слава новатора — портреты в журнале, почетные места в президиумах, представительские поездки — вскружила ему голову. Андрей оставил станок, отдалился от товарищей по цеху, как бы потерял точку опоры.

Артисту Ю. Паничу, сыгравшему роль Андрея, нужно было проникнуть в диалектику пусть не очень сложной и глубокой, но все же довольно противоречивой натуры героя. Драма Андрея — это драма не закоренелого карьериста, а человека не стойкого, не окрепшего духом, человека легкомысленного, еще не научившегося предвидеть последствия своих поступков и отвечать за них перед обществом и перед собственной совестью. Ю. Панич, как мне кажется, не совсем верно понял своего героя. Слишком густую тень «злоумышленности» наложил он на поступки Андрея. Трудно, например, понять, где Андрей по-настоящему искренен: в объяснениях с Ольгой, которую он оставляет, или с Катей, в которой он мог увидеть начало своего обновления. Оба объяснения сходны по эмоциональной тональности. Норовистый наклон головы, разухабисто-рисовочные жесты и очень мало доброго, открытого в душевных движениях Андрея. Жаль, что авторская надежда на исправление Андрея остается не подтвержденной актером.

Одноплановость сценического поведения Андрея усугуб-

ОБ ОДНОМ ТЕЛЕВИЗИОННОМ СПЕКТАКЛЕ

ляется тем, что при выборе исполнительниц ролей Ольги (Н. Ургант) и Кати (Г. Карелина) режиссер не учел схожести их внешних данных. Игра Ургант ближе образу Ольги в пьесе. Ее героиня может быть по-настоящему любящей, душевно тонкой, женственной. Особенно сильно проводит актриса кульминационный монолог — объяснение с Катей. Резкий поворот в ее душе вызывает увиденная на столе детская распахнушка. Ольга понимает, что у нее нет преимущественных прав на Андрея — у Кати будет его ребенок. К сожалению, образ Кати получился недостаточно впечатляющим.

Есть в спектакле два других, также «полюсных» по отношению к Андрею образа, решенных красочно и жизненно: Василий Шипов — отец Андрея в исполнении В. Краснова и председатель цехкома — К. Калинин. Остро рисует К. Калинин недалекого бюрократа, откровенного приспособленца и наглого демагога. Это он, предцехкома, развращает дутой славой простого рабочего парня. Он во всем готов потакать тем, кто попал в «обойму» передовиков, и не желает замечать тех, кто действительно нуждается в помощи и поддержке общественности. У такого предцехкома нет настоящей опоры в нашей сегодняшней действительности.

Духовная сила и разум подлинных кадров рабочего класса олицетворены в Василии Шипове. Артист В. Краснов играет спокойно. Его Шипов полон чувства собственного достоинства, нетороплив в мыслях и решениях, действует с полным пониманием значения и ответственности своих поступков. И если Шипов как отец что-то недосмотрел в воспитании сына, то он сумеет исправить это, увлекая молодого человека личным примером трудовой и общественной живинки, своей жизненной линией.

Эти два образа — Василия Шипова и предцехкома — интересны еще и тем, что в них отчетливо видны искания телевизионной режиссуры, ее стремление соединить в своем искусстве начала театральные и кинематографические. Правда, в спектакле еще нет желаемой органичности этих начал: заметна неприглядность отдельных «монтажных» кусков. Интереснее могло бы быть решено и декорационное оформление спектакля.

Но есть в работе режиссера Б. Каминского и оператора

К. Видика над этим спектаклем немало интересного, обнадеживающего, свидетельствующего о растущих возможностях телевизионного спектакля. Свободные переходы от одной декорации к другой, которые размещены в большом павильоне, укрупняющие «наезд» аппарата, построение мизансцен, тактичное использование музыки — эти слабые телевизионной «технологии» освоены постановщиком и оператором.

Ленинградская студия телевидения может и должна смелее браться за постановку серьезных, «полнометражных» спектаклей. Но пусть эта смелость сочетается с большей требовательностью к драматургии, точностью режиссерского видения, тщательностью операторских решений.

Н. ЗАЙЦЕВ